

речи к поэзии, слишком частое или неправильное употребление аллегорий и метафор, грубость или сниженность стиля, недостаток украшения — фигур, тропов и т. д. Выступая в разделе об аллегорическом, или страстном, стиле против перегруженности речи ораторскими цветами и украшениями (*gemmae*), Прокопович, возможно, имеет в виду киевскую риторику «*Concha... artis oratoriae gemmas continens*» (1698), автором которой, по-видимому, был Стефан Яворский.¹⁰ Многие из этих пороков — надутый, бурный и бессвязный, а также курьезный стили — Феофан приписывает польскому красноречию и главным образом известному польскому проповеднику Томашу Млодзяновскому.

Особенностью построения прикладной риторики в эпоху барокко было помещение в центре ее учений об украшении и о возбуждении страстей. Оба эти учения выделены у Феофана в отдельные книги, значительно превосходящие размером остальные книги риторики.

Учение Прокоповича «об украшении» в целом восходит к трактату Цицерона «Об ораторе». Так, Феофан полагает главными достоинствами речи, «чтобы она была на чистой латыни», ясной, украшенной и соответствовала предмету речи.¹¹ Необыкновенно подробно разработан раздел о фигурах. Прокопович рекомендует к употреблению более семидесяти фигур, которые разделены на три группы: предназначенные для изъяснения, для услаждения и для возбуждения страстей. Среди них такие сложные маньеристические формы, как гипербат, амфиболлия, перифраз, параномасия, рекапитуляция, логодэдия, асиндетон и многие другие (IV, 8—10).¹²

2

Риторика — одна из самых традиционных наук. Для риторики барокко характерна не только опора на такие непререкаемые во все времена авторитеты, как Цицерон,¹³ Квинтилиан, Аристотель

¹⁰ Так долгое время полагал Н. И. Петров, который затем отказался от этой точки зрения и стал приписывать эту риторику Иннокентию Половскому (см.: *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVIII века. Киев, 1895, с. 57). Основанием для гипотетической атрибуции «*Conchae*» Стефану Яворскому может послужить то, что, во-первых, именно в эти годы он преподавал риторику в Киево-Могилянской академии и, во-вторых, то, что те небольшие материалы из риторики, которые приведены в работах Петрова, совпадают (в том случае, если находят соответствие) с «Риторической рукой» Стефана Яворского в переводе с латинского Федора Поликарпова (ОЛДП, СПб., 1876).

¹¹ Ср.: *Цицерон.* Об ораторе, III, 97.

¹² Э. Р. Курциус называет эти фигуры в числе специфических особенностей маньеристической (в широком смысле) риторики (см.: *Curtius E. R.* *European Literature and The Latin Middle Ages.* Translated from the German by W. R. Trask. Princeton, 1967, (ch. «Rhetoric and Mannerism», p. 274—291).

¹³ Эпохой почти всеобщего цicerонизма в риторике была эпоха Ренессанса (см. об этом: *Rynduch Z.* *Nauka o stylach w retorykach polskich, r. Retoryka renessansowa*, s. 6—8). Цicerонизм в риторике был рас-